

Цветобозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы?

Н. Б. Кошкарева

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. В хантыйском языке представлено минимальное количество слов – цветобозначений. Для «черного» в казымском диалекте используется слово *ниты*, предположительно родственное однокоренному *пйтлам* ‘темный’, для «белого» – слово *нуви*, обозначающее также «свет», «луна», для «красного» – слово *вўрты* (от *вўр* ‘кровь’). Одно и то же слово *вусты* используется для недифференцированного обозначения оттенков желто-зелено-синего спектра. В настоящее время дифференциация цветобозначений достигается использованием словосочетаний с базовым словом, представляющим собой эталон сравнения («как небо», «как трава» и др.). По происхождению эти слова являются глагольными формами, что указывает на процессуальный, а не признаковый характер обозначаемого явления. Аналогично и в ненецком языке: в словарях цветобозначения описываются как глаголы.

Ключевые слова: уральские языки Сибири, хантыйский язык, ненецкий язык, цветобозначения.

УДК 811.511.142 + 81'37

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-152-166

Контактная информация: Кошкарева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков

Кошкарева Н. Б. Цветобозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 152–166.

народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), зав. кафедрой общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия, koshkar_nb@mail.ru)

Специфика цветообозначений является одной из наиболее разработанных тем в антропологической лингвистике. К ней подходят, с одной стороны, с точки зрения языковых универсалий [Berlin, Kay, 1969; Kay et al., 2010], поскольку в основе восприятия цвета лежат типичные для человека как биологического существа перцептивные механизмы и физические законы, а с другой – в рамках релятивистских интерпретаций, учитывающих культурную специфику каждого народа (см. [Foley, 1997, p. 150–165; Лусу, 1996] и др.). Другими словами, ученых интересует, от чего зависит восприятие цвета и его отражение в языке – от нейрофизиологических начал, или же оно обусловлено влиянием культуры; формируются системы цветообозначения в соответствии с универсальными или относительными понятиями.

Результаты типологического изучения цветообозначений в языках мира отражены в проектах «The World Color Survey»¹, а также в электронном атласе «The World Atlas of Language Structures» (WALS)². Лингвистика цвета в отечественном языкознании представлена основополагающими работами таких ученых, как Н. Б. Бахилина [1975], А. П. Василевич [Василевич и др., 2005], В. Г. Кульпина [2001], Ю. В. Норманская [2005] и др., а также является популярной темой многих статей и диссертационных работ.

В уральских языках Сибири цветообозначения исследовались с точки зрения их символики и значения для традиционного мировоззрения [Сподина, 2013; Талигина, 1999а; 1999б; Черемисина, 2008; 2009а; 2009б], в том числе их функционирование в традиционных фольклорных жанрах [Андреева и др., 2019; 2020], семантические поля цветообозначений структурированы в свете лингвокультурологического и антропологического подходов [Динисламова, 2017а; 2017б; Дубровская, 2018; Дубровская, Ким-Малони, 2018]; лексико-семантические группы цветообозначений, структура и семантика цветообозначений в хантыйском языке детально описаны в работах В. М. Кулемзина [1983] и А. А. Шияновой [2018; 2019а; 2019б; 2019в] и др.

Цель данной статьи – выявление типологических особенностей системы цветообозначений в уральских языках Сибири. Эта работа продолжает исследование уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа [Кошкарева и др., 2017, с. 201–215], дела-

¹ <http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/>.

² <https://wals.info/>.

ется попытка оценить полученные данные на фоне языков разных систем в типологической перспективе.

Поскольку национальные лексические системы цветообозначений, как правило, весьма обширны и включают большое количество метафорических единиц, в типологии используется понятие *базового цветообозначения* (*basic color terms*), которое должно отвечать следующим требованиям: 1) слово должно быть непроемным и не относиться к сложным словам (исключается англ. *bluish*, рус. *сине-зеленый, голубоватый*); 2) не иметь ограничений на сочетаемость (исключается англ. *blond*, обозначающее цвет волос или дерева, рус. *пегий, белокурый, карий, каштановый* и др.); 3) физиологически заметный, т. е. всплывающий в памяти первым, широко известный; для носителей данного языка, такое слово должно быть «психологически выделенным», значимым: оно должно присутствовать во всех идиолектах данного языка, обладать устойчивым денотативным значением, чтобы их денотаты для разных носителей языка и в разных контекстах совпадали [Berlin, Kay, 1969].

Притом, что принципы выделения базовых цветообозначений могут оспариваться, они являются удобным инструментом для сопоставления языков разных систем между собой, ограничивая ядро, претендующее на более или менее универсальный характер, и отсекая специфическую для каждого языка периферию.

Для русского языка выделяется максимальное количество базовых цветообозначений – 12, минимальное количество 2 устанавливается, например, для языка дани (Папуа – Новая Гвинея). В WALS³ приводятся данные по 119 языкам, в 10 из которых представлено 3 категории, самая частотная группа, состоящая из 5 категорий, включает 56 языков.

Если строго применять критерии выделения базовых цветообозначений, то в хантыйском языке даже цветообозначения *черный* и *белый* не в полной мере соответствуют параметрам «базовых». Уральские языки Сибири специфичны также и в том отношении, что слова, связанные с обозначением цвета, по своему происхождению являются отглагольными или даже, как в ненецком языке, сопровождаются в словарях пометами «глагол». Соответственно, такие понятия, как «белый», «черный», «красный» и др., переводятся с ненецкого языка на русский как «быть белым», «быть черным», «быть красным» и т. д. Это отражает процессуальный, а не признаковый характер восприятия данного явления в уральских языках Сибири, а цветообозначения морфологически прилагательными не являются. Между тем во многих работах прилагательные по умолчанию признаются эталонным средством обозначения цветовых характеристик, поскольку в нашем сознании господствует стереотип о признаковости это-

---

³ <https://wals.info/chapter/133/>.

го явления, которое концептуализируется в виде именных конструкций типа *голубое небо* или *Небо голубое*.

Однако описание некоторых языков показывает, что лексика, ассоциирующаяся с цветобозначениями, может отражать не хроматические оттенки, а совсем другие признаки. Так, через призму лингвистической системы Берлина и Кэя [Berlin, Kay, 1969] в языке *Hanunoo* (Филиппины) выделяется четыре базовых термина-цветобозначения. Однако в антропологически ориентированных исследованиях показано, что в этом языке в так называемых цветобозначениях лексикализованы другие категории – *темный, светлый, сухой, влажный* [Conklin, 1964]. Понимание специфики системы цветобозначения в этом языке невозможно на основе карточек Манселла.

Соответствующий фрагмент внеязыковой действительности может концептуализироваться не как характеристика предмета, а как его состояние или даже процесс. В русских бытийных конструкциях типа *Вдали чернеют поля, зеленеют леса, розовеют небеса* («где есть что») используются глаголы, образованные от прилагательных-цветобозначений, что обеспечивает синкретизм значений существования, статальности и характеристики: *поля есть, и они черные*. Выбор глагола, а не прилагательного обусловлен представлением о том, что поля пребывают в определенном изменчивом состоянии: черными они являются не всегда, это их преходящий, а не постоянный признак, в отличие от канонического значения характеристики, предполагающего неизменность признака если не постоянно, то на протяжении значимо длительного времени. В такой перспективе типологически ориентированные анкеты должны учитывать и частеречный статус лексики, используемой для описания цветовых характеристик предмета или явления в языках разных систем.

В модели Берлина и Кэя [Berlin, Kay, 1969] устанавливаются два пути развития систем цветобозначений: 1) на основе обозначения оттенков; 2) на основе обозначения яркости. Хантыйский язык относится ко второй группе, в которой последовательность появления цветобозначений проходит следующие этапы: исходными являются универсальные зоны «темный / холодный» и «светлый / теплый»; зона «светлый / теплый» расщепляется на «светлый» и «теплый» по отдельности. В результате формируется система цветобозначений, включающая следующие единицы: «светлый» (*белый*), «теплый» (*красный*), «темный / холодный» (*черный – зеленый – синий* с разными возможностями актуализации). В зоне «темный / холодный» нечетко противопоставлены, с одной стороны, «черный» (+ синий), с другой стороны, «синий + зеленый (+ желтый)».

Лексика цветобозначений в уральских языках имеет, очевидно, позднее происхождение, так как материально слова, концептуализирующие соответствующие понятия, различаются довольно сильно, ср.: ‘черный’ – хант. каз. *пты*, манс. *сэмыл*; ‘белый’ – хант. каз. *нуви*, манс. *янк, войкан*

(для обозначения оттенков светлых тонов) и т. д. В этимологических словарях уральских языков отдельные статьи для подобной лексики отсутствуют [Collinder, 1977; Redei, 1988]. В настоящее время система цветообозначений перестраивается, некоторые традиционные оппозиции подменяются стандартами русского языка, однако данные словарей позволяют реконструировать для хантыйского языка более архаичную систему.

Понятие «черный» в хантыйском языке выражается следующими словами: приур. *пӱты*, каз., шур. *питы*, сург. *пәүтә*. Однако для слова *рәүтз*, *рәүтә* отмечается также значение ‘синий’ [DEWOS, 1135, 1136], что полностью соответствует модели Берлина и Кэя. Интересной в этнографическом плане является система переносных значений, зафиксированная в этом словаре для данного слова: мясо медведя, гроб, водка, клан.

Другая типологически важная черта – это перенос значения ‘темный’ → ‘непрозрачный, грязный’, характерный, видимо, для финно-угорских языков [Сидорова, 2016; 2017], ср.: коми-зырянское *сьӧд* ‘черный; грязный’. Система значений слова *питы* в казымском диалекте включает следующий набор единиц: 1) черный; 2) темный; 3) бурый; 4) смуглый, которые проиллюстрированы следующими примерами: *Ӣӱрпиты сӱх пелӱк иты ци йовӱдӱлӱт мӱв хӱры ӱхтӱйӱн* ‘Как кусок **черной** ткани трепещут над землей’; *питы сӱрты* ‘олень **темного** цвета’; *питы вухсар* ‘черно-бурая лисица’; *питы вӱрты* ‘бордовый’ (букв.: темно-красный), *питы вусты* ‘темно-зеленый’ [Соловар, 2014, с. 247]. В качестве синонима выступает слово *хӱлеу* (от *хӱлы* ‘грязь’ + суффикс прилагательных), для которого в словаре первым отмечено значение ‘черный’, а значение ‘грязный’ стоит на втором месте [Там же, с. 339].

Родственными являются слова *пӱтлам* ‘темно, темнота’ и глагол *пӱтлӱты* ‘темнеть’, через которые устанавливается связь с темным временем суток и актуализируется компонент значения «темный» по отношению к материальным предметам: *Тӱлӱн атӱт пӱтламӱт* ‘Зимой ночи темные’; *Йӱмӱс на пӱтлам* ‘Очень темно’; *Пӱтлама йис* ‘Стемнело’; *Пӱтлама шӱнк сора йиш* ‘Быстро темнеет’ (букв.: очень быстро к темноте становится); *Иса пӱтлӱс* ‘Совсем стемнело’; *Хот питӱрӱлӱ иса пӱта йисӱт* ‘Стены дома совсем потемнели’.

В современном хантыйском языке слово *питы* признается прилагательным, однако в его составе выделяется суффикс =*ты*, материально тождественный суффиксу причастий настоящего-будущего времени. Тот же суффикс представлен и в других словах-цветообозначениях, что может свидетельствовать о прототипическом процессуальном, а не признаковом значении этих лексем. В ненецком языке слово *пӱриденя / пӱридена* ‘черный’ является формой причастия от глагола *пӱридесь* ‘быть черным’.

Таким образом, поле «черный» связано в хантыйском языке, с одной стороны, с представлением о синем цвете как о сакральном, а с другой стороны, с непрозрачностью, грязью, темнотой.

Для обозначения понятия «белый» используются лексемы: приур. *нави*, шур. *нбви*, каз. *нуви*, сург. *нэви*. В структуре словарной статьи для казымского слова *нуви* на первом месте помещается значение «свет», то же самое слово обозначает луну [Соловар, 2014, с. 200]. Соответственно, представление о белом цвете изначально опирается на контраст сияющего на фоне темного неба ночного светила. Значение «луна, месяц (ночное светило); свет» является исходным в системе значений, на его основе формируются переносные значения. Непосредственно после него можно было бы поставить значение «серебристый» и далее производное от него «серебряный», так как оно отражает представление о блеске, сиянии, блестящей поверхности предмета (*нуви вух* 'серебряная монета'). Однако в словаре В. Н. Соловар это значение стоит на последнем месте, так как представление о данном слове как о цветообозначении перекрывает его исходные семантические связи. Следующее значение, отмеченное в словаре, – «светлый» (о предметах), в том числе светло-серый и серый. Это слово можно употребить по отношению к песку: *нуви хиш* 'серый песок'. Применительно к человеку оно употребляется для описания седых волос или бледного лица: *Ухэл нуви* 'Голова его седая'; *Венигэл нуви* 'Лицо его бледное'.

Как и слово *титы* 'черный', оно используется в переносных значениях 'прозрачный', 'чистый': *нуви йицкэл* 'с прозрачной водой'; *Лор йицкэл нуви-нуви* 'Вода озера прозрачная-прозрачная'; *нуви йицк* 'чистая вода'. Фиксируется также значение «новый»: *нуви хйтэл* 'новый день' [Там же, с. 200].

В словарях отмечается связь данного цветообозначения с такими понятиями, как «мудрость», «красота», «бог», «небо»: *јэт пей пѳвѳ пей* 'хорошая женщина, красивая (букв.: белая) женщина' (ср. рус. *красна девица*); *пѳвѳ асѳт* 'верхний бог' (букв.: белый отец) [DEWOS, 990–991]. В фольклорных текстах наблюдается устойчивая связь между понятиями «небо» и «белый», подчеркивающая компонент значения «сияние», а не «цвет». Значение «белый» ассоциируется с положительными качествами и свойствами.

Поле белого цвета подробно описано в работе А. А. Шияновой, где в систему значений включаются: свет, светлый, белый, прозрачный, чистый, не спелый, не густой, сивый, невинный, седой, блондин, бледный [Шиянова, 2018, с. 690].

Таким образом, развитие значения слова *нуви* 'луна, месяц (небесное светило)' пошло двумя путями: с одной стороны, актуализируется представление о сиянии, блеске, свечении, а с другой – формируется собственно термин-цветообозначение с семантикой 'белый, светлый'.

Эталоном белого цвета является лед, например: *йѳнк вѳлы* 'ослепительно белый олень' (букв.: лед олень); ср. манс. *яѳк* 'белый'. В ненецком языке для обозначения белого используется слово *сѳр*: 1) лед; 2) белый; 3) соль [Терещенко, 1965] (ср. селькупское *сѳры* 'белый'). В наших мате-

риалах по ненецкому языку, собранных в Ямало-Ненецком автономном округе, в отличие от большеземельских и малоземельских материалов Н. М. Терещенко, слово *сэ́р*” в значении ‘лед’ не зафиксировано. Очевидно, для идиомов европейских ненцев можно реконструировать цепочку «лед → блестящий предмет → белый цвет», в которой актуализируется представление о сиянии, а не о цвете как таковом.

Применительно к финно-угорским языкам комплекс значений «черный» / «белый» vs «непрозрачный, грязный» / «прозрачный, чистый» может быть связан с тем, что исходно данные лексемы не являлись цветообозначениями, поэтому некорректно было бы говорить о том, что произошел метафорический перенос из сферы «цвет» в зону «чистота, прозрачность», скорее всего, это является свидетельством недифференцированности семантики этих слов, исходно не специализированных как цветообозначения. В самодийских языках, с другой стороны, подобного совмещения значений не наблюдается, лексемы со значением «черный» и «белый» не связаны с полями «чистый» и «прозрачный».

Понятие «красный» в хантыйском языке выражается лексемами: каз. *вўрты*, шур. *ўрты*, сург. *вэртэ* [DEWOS, 1617, 1618]. Данное слово вряд ли можно признать базовым цветообозначением, так как оно является производным от слова *вўр* ‘кровь’, указывающим на эталон красного цвета. Аффикс =*ты*, как и в других цветообозначениях, омонимичен суффиксу причастия.

В ненецком языке лексема *няръяна* ‘красный’ морфологически является причастием, поэтому корректнее переводить ее на русский язык глагольным сочетанием ‘быть красным’. В селькупском родственном является слово *няръы*, *няркэсы* ‘медь’ (букв.: красное железо). По отношению к ослепительно белой масти оленя в хантыйском языке употребляются слова *нар*, *нарава* ‘очень белый (олень)’. Близкие слова представлены также в мансийском (*нярав*) и коми-зырянском (*няревей* ‘ослепительно белый (о масти оленя)’) языках. Учитывая то, что терминология оленеводства, включая обозначения мастей оленей, заимствуется из ненецкого языка, можно предположить их связь с обозначением блестящих металлов – меди и латуни (нен. *нарава* ‘медь, латунь’), которая дает двойственную интерпретацию – с красным цветом, с одной стороны, и белым, с другой. Исходным может быть представление о яркости, вторичным – хроматическая или ахроматическая интерпретация как красного (в ненецком) или белого (в хантыйском).

Недифференцированная по семантике лексема приур. *васты*, шур. *вўсты*, каз. *вусты*, сург. *вэстэ* обозначает комплекс хроматических оттенков «желтый / зеленый / синий» [DEWOS, 1637–1638]. В новых словарях хантыйского языка этой лексеме приписывается только одно из значений, т. е. семантика конкретизируется, при этом в разных словарях указываются разные значения из указанного комплекса – либо «синий», либо «зеле-

ный», ср. каз. *вусты* ‘зеленый’ [Соловар, 2014, с. 53], сург. *вйстә* ‘синий’ [Волкова, Соловар, 2018, с. 141]; сынск. *Охиамем вйстәд хйтац үркам* ‘У платка его **синева** как-то бледновата’. Близкое по звучанию слово *вусах* имеет значение «бледный; некрепкий (о чае)»: *вусах шай* ‘некрепкий чай’; ср. также манс. *восых* ‘серый’. Для установления родственных связей этих слов и их семантики требуется тщательное этимологическое исследование.

Для конкретизации оттенка используются описательные обороты, в состав которых входят наименования предметов, ассоциирующихся с эталонным носителем того или иного цвета, например: каз. *һар турн сҗәп* ‘зеленый’ (букв.: внешность сырой травы), *ваниши сҗәп* ‘светло-зеленый’ (букв.: внешность молодой травы), сург. *һарәх пәм җёрасәп* ‘зеленый’ (букв.: как свежая трава); *етәр хәры* ‘синий, голубой’ (букв.: ясное пространство, т. е. небо): *етәр хәры ухшам* ‘голубой платок’. Ср. манс.: *атырхари* ‘лазурь, синева, похожая на цвет ясного неба’, *атырхарпа* ‘голубоватый, синеватый’.

За значением «желтый» все чаще закрепляются именованья на основе сравнения с эталоном, ср.: шур. *Шәха сәранәт йбхәттәйн, аһтемән мөлтә сахәт пеләтдәйәт: йнтәп келәта, мөсәң па вүрты, вбсты, хдйәм лыпәт хорни сәв келәта* ‘Потом, когда приедут зыряне, моя мама на что-нибудь обменяет: на пояса, может быть, на красные, синие, желтые (букв.: как тронутые листья; имеются в виду, пожелтевшие от холода листья) те-сёмки (для кос)’; каз. *ицкйин хойәм лыпәт хорни* ‘желтый’ (букв.: как тронутые морозом листья).

Другие слова, связанные с обозначением желтого цвета, имеют неясную этимологию: каз. *вүцҗәм* (возможно, связано со словами *вуц* ‘кислота’, *вуцрәм* ‘желчь’), сург. *воләҗ*. Ср. манс. в.-лозв. *вуцрам* ‘желтый’, *восьрамхарп* (букв.: как цвет желчи).

В селькупском языке слово *нораль / норай* обозначает «синий и зеленый», *патыль / патый* – «синий, желтый, зеленый» (от *паты / пат* ‘желчь’). Аналогично в ненецком языке: зеленый обозначается словом *пәдярәха* (букв.: ‘похожий на желчь’: *пәдя* ‘желчь’ + аффикс симилятива *-рәха*). Таким образом, цвет желчи в селькупском и ненецком языках ассоциируется с зеленым цветом, тогда как в хантыйском (предположительно) с желтым.

В коми-зырянском языке для синего и зеленого имеются отдельные слова: *лөз* ‘синий, голубой’ и *веж, виж* ‘зеленый / желтый’. В базе данных Starling реконструируется прауральск. **wiša* ‘желтый; зеленый’ [Кошкарева и др., 2017, с. 211].

Таким образом, эталонами для сравнения выступают натурфакты: синий – цвет неба, зеленый – цвет травы, желтый – цвет осенних листьев и др.

Вопрос о частеречной принадлежности цветообозначений на современном этапе решается по аналогии с русским языком: все эти слова считаются прилагательными, хотя они не содержат словообразовательных аффиксов, типичных для прилагательных, а включают в свой состав показатели, материально тождественные аффиксам причастий, ср.: *пи=ты* 'черный', *вур=ты* 'красный', *вус=ты* 'синий, зеленый, желтый'. Особое место в этой системе занимает слово *нуби* 'белый', которое исходно является существительным, обозначающим ночное светило, а через него – свет и сияние. В результате транспозиции имя существительное стало выполнять роль прилагательного.

Строго говоря, ни одно из хантыйских цветообозначений нельзя отнести к числу базовых в том смысле, который им приписывается в типологической литературе. Только лексема со значением «черный» в какой-то мере отвечает признакам базового цветообозначения: она наименее прозрачна как по структуре, так и по семантике, хотя связи с другими лексемами со значением «темный» и «темнеть» все еще ощущаются. Лексемы со значением «белый» и «красный» вряд ли можно считать базовыми в силу их очевидной производности, либо необходимо пересматривать словообразовательный критерий в сторону приоритета семантики. Несмотря на всю условность, в хантыйском языке на статус базовых цветообозначений могут претендовать четыре слова с семантикой «черный», «белый», «красный» и «синий, зеленый, желтый». Их выделение в целом соответствует модели развития цветообозначений в языках мира, предложенной Берлином и Кэем. Спецификой хантыйских цветообозначений является их связь с такими представлениями, как яркость, свечение, сияние, а не с обозначением хроматических оттенков или с ахроматикой, а отсюда – связь с процессуальностью, а не признаковостью, которая отражается в наличие глагольных аффиксов в структуре цветообозначений.

Список литературы

Андреева Л. А., Худобина О. Ф., Молданова Т. А. Семантика цветообозначений в хантыйском, мансийском и русском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 249–253.

Андреева Л. А., Худобина О. Ф., Шипёц К. Цветообозначения в мансийских загадках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 9. С. 175–179.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 146 с.

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А. П. Василевича. М.: URSS, 2005. 216 с.

Волкова А. Н., Соловар В. Н. Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 212 с.

Динисламова О. Ю. К вопросу об основных цветообозначениях современного мансийского языка: антропологический и лингвокультурологический подходы // Вестник угроведения. 2017а. № 1 (28). С. 35–45.

Динисламова О. Ю. Белый и чёрный цвета в картине мира манси // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы дистанц. науч.-практ. конф. «XV Югорские чтения». 2017б. С. 52–61.

Дубровская Н. В. Семантика атрибутивных конструкций с цветообозначением «чёрный» в тазовском диалекте селькупского языка // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2018. № 8 (197). С. 69–73.

Дубровская Н. В., Ким-Малони А. А. Особенности семантики цветообозначения «белый» в фольклорных и лексикографических материалах тазовского диалекта селькупского языка // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2018. № 4 (193). С. 84–89.

Кошкарева Н. Б., Кашкин Е. В., Коряков Ю. Б., Казакевич О. А., Буркова С. И., Муравьев Н. А., Будянская Е. М. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2017. 256 с.

Кулемзин В. М. Некоторые способы цветообозначения у хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 124–128.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с. (Библиотека журнала «Русский филологический вестник». Т. 38)

Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. 326 с.

Сидорова М. А. Семантические поля ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ и ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ в мокшанском языке // Проблемы лексико-семантической типологии: Сб. науч. тр. / Под ред. А. А. Кретьева. Воронеж: ВГУ, 2016. Вып. 3. С. 135–146.

Сидорова М. А. Семантические поля ЧИСТЫЙ / ГРЯЗНЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ / МУТНЫЙ в коми языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. науч. ст. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 278–284.

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ФОРМАТ, 2014. 386 с.

Сподина В. И. Цвет и его место в геосимволике // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 143–156.

Талигина Н. М. Цветовая классификация у хантов // Обские угры: Материалы II Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999а. С. 197–199.

Талигина Н. М. Цветовая триада хантов Нижнего Приобья // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1999б. Вып. 8. С. 92–96.

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

Черемисина К. П. О сакральности цвета в хантыйской культуре // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 234–242.

Черемисина К. П. Символика основной цветовой триады в соответствии с трехчленным делением Вселенной в хантыйской культуре // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009а. № 10. С. 113–117.

Черемисина К. П. Философия цветовосприятия в мировоззрении ханты // Вестник Том. гос. ун-та. 2009б. № 328. С. 59–62.

Шиянова А. А. Семантическая структура слов, обозначающих белый цвет в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 4. С. 683–693.

Шиянова А. А. Лексико-семантические группы цветообозначений хантыйского языка // Филологический аспект. 2019а. № 10 (54). С. 21–28.

Шиянова А. А. Обозначение цвета в диалектах хантыйского языка: структура и семантика лексических единиц // Вестник угроведения. 2019б. Т. 9, № 4. С. 747–755.

Шиянова А. А. Семантическая структура слов, обозначающих цвет, в западных диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: Сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. 2019в. С. 166–170.

Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary: An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg, Helmut Buske Verlag, 1977. 217 p.

Conklin H. C. Hanunóo Color Categories // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. Vol. 11 (4). P. 339–344. DOI 10.1086/soutjanth.11.4.3628909

DEWOS – *Steinitz W.* Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. Т. 1–15.

Foley W. Anthropological Linguistics: an introduction. Oxford: Basil Blackwell, 1997.

Kay B., Berlin B., Maffi L., Merrifield W. R., Cook R. The World Color Survey. Stanford, 2010.

Lucy J. A. The linguistics of “color” // Hardin C. L., Maffi L. (eds.). Color categories in thought and language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 320–346.

Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiadó, 1988.

Список источников

The World Color Survey. URL: <http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/>.
WALS. URL: <https://wals.info/chapter/133/>.

Список сокращений

англ. – английский язык
каз. – казымский диалект хантыйского языка
манс. – мансийский язык
нен. – ненецкий язык
приур. – приуральский диалект хантыйского языка
рус. – русский язык
с.-лозьв. – верхнелозьвинский говор мансийского языка
сельк. – селькупский язык
сург. – сургутский диалект хантыйского языка
шур. – шурышкарский диалект хантыйского языка

Article metadata

Title: Basic Color Terms in Khanty

Author: N. B. Koshkareva

Author's e-mail: koshkar_nb@mail.ru

Author's affiliation: Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The Khanty language contains the minimum number of words – color terms. For “black”, the word “pity” is used, presumably related to the single root “pätlam” “dark”, for “white” – the word “növi”, meaning also “light”, “moon”, for “red” – the word “würty” (from “wür” ‘blood’). One word “wösty” is used for the undifferentiated designation of shades of the yellow-green-blue spectrum. Currently, the differentiation of color terms is achieved by using phrases with the base word, which is a comparison standard (“blue as the sky”, “green as the grass”, etc.).

Key terms: Uralic languages of Siberia, Khanty language, Kazym dialect, basic color terms.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-152-166

Reference literature (in transliteration):

Andreeva L. A., Khudobina O. F., Moldanova T. A. Semantika tsveto-oboznachenij v khantyjskom, mansijskom i russkom fol'klöre [The Semantics of the colour names in the Khanty, Mansi and Russian folklore]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, no. 6, p. 249–253. (in Russ.)

Andreeva L. A., Khudobina O. F., Shipyots K. Tsvetooboznacheniya v mansijskikh zagadkakh [Color designations in Mansi riddles]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, no. 9, p. 175–179. (in Russ.)

Bakhilina N. B. Istoriya tsvetooboznachenij v russkom yazyke [History of color designations in the Russian language]. Moscow, Nauka, 1975, 146 p. (in Russ.)

Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley, University of California Press, 1969.

Cheremisina K. P. Filosofiya tsvetovospriyatiya v mirovozzrenii khanty [Philosophy of color perception in the Khanty worldview]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 328, p. 59–62. (in Russ.)

Cheremisina K. P. O sakral'nosti tsveta v khantyjskoj kul'ture [On the sacredness of color in the Khanty culture]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya. Materialy i issledovaniya*. Tomsk, TSU Press, 2008, iss. 2, p. 234–242. (in Russ.)

Cheremisina K. P. Simvolika osnovnoj tsvetovoj triady v sootvetstvii s trekhchlenным deleniem Vselennoj v khantyjskoj kul'ture [Symbolism of the main color triad in accordance with the three-part division of the Universe in the Khanty culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2009, no. 10, p. 113–117. (in Russ.)

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary: An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg, Helmut Buske Verlag, 1977, 217 p.

Conklin H. C. Hanunóo Color Categories. *Southwestern Journal of Anthropology*, 1955, vol. 11 (4), p. 339–344. DOI 10.1086/soutjanth.11.4.3628909

DEWOS – Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, Akademie Verlag, 1966–1991, Bd. 1–15.

Dinislamova O. Yu. Belyj i chyornyj tsveta v kartine mira mansi [White and black colors in the picture of the world of Mansi]. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii. Materialy distantsionnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii XV Yugorskie chteniya*, 2017, p. 52–61. (in Russ.)

Dinislamova O. Yu. K voprosu ob osnovnykh tsvetooboznacheniyakh sovremennogo mansijskogo yazyka: antropologicheskij i lingvokul'turologicheskij podkhody [On the question of the main color meanings of the modern Mansi language: anthropological and linguoculturological approaches]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2017, no. 1 (28), p. 35–45. (in Russ.)

Dubrovskaya N. V. Semantika atributivnykh konstruksij s tsvetooboznacheniem “chernyj” v tazovskom dialekte sel'kupskogo yazyka [Semantics of attributive constructions with the color designation “black” in the Taz dialect of the Selkup language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 8 (197), p. 69–73. (in Russ.)

Dubrovskaya N. V., Kim-Maloni A. A. Osobennosti semantiki tsvetooboznacheniya “belyj”k v fol'klornyh i leksikograficheskikh materialakh tazovsko-

go dialekta sel'kupskogo yazyka [Features of the semantics of the color designation “white” in folklore and lexicographic materials of the Taz dialect of the Selkup language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 4 (193), p. 84–89. (in Russ.)

Foley W. *Anthropological Linguistics: an introduction*. Oxford, Basil Blackwell, 1997.

Kay B., Berlin B., Maffi L., Merrifield W. R., Cook R. *The World Color Survey*. Stanford, 2010.

Koshkareva N. B., Kashkin E. V., Koryakov Yu. B., Kazakevich O. A., Burkova S. I., Muraviev N. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskij atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialectological Atlas of Uralic languages spoken on the territory of the Yamalo-Nenets Autonomous district]. Ed. by N. B. Koshkareva. Kaliningrad, ROST-DOAFK, 2017, 256p. (in Russ.)

Kulemzin V. M. *Nekotorye sposoby tsvetooboznacheniya u khantov* [Some ways of color designation in Khanty]. In: *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoj Sibiri*. Tomsk, TSU Press, 1983, p. 124–128. (in Russ.)

Kulpina V. G. *Lingvistika cveta: Terminy cveta v pol'skom i ruskom yazykah* [Linguistics of color: Terms of color in Polish and Russian languages]. Moscow, Moskovskij Litsej, 2001, 470 p. (Biblioteka zhurnala “Russkij Filologicheskij Vestnik”, vol. 38). (in Russ.)

Lucy J. A. *The linguistics of “color”*. In: Hardin C. L., Maffi L. (eds.). *Color categories in thought and language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, p. 320–346.

Normanskaya Yu. V. *Genesis i razvitie sistem tsvetooboznachenij v drevnikh indoevropskikh yazykakh* [Genesis and development of color designation systems in ancient Indo-European languages]. Moscow, Institut yazykoznanija RAN, 2005, 326 p. (in Russ.)

Redei K. *Uralisches etymologisches Worterbuch*. Budapest, Akademiai Kiadó, 1988.

Shiyanova A. A. *Leksiko-semanticheskie gruppy tsvetooboznachenij khantyjskogo yazyka* [Lexico-semantic groups of color meanings of the Khanty language]. *Filologicheskij aspekt*, 2019, no. 10 (54), p. 21–28. (in Russ.)

Shiyanova A. A. *Oboznachenie tsveta v dialektakh khantyjskogo yazyka: struktura i semantika leksicheskikh edinits* [Color designation in dialects of the Khanty language: structure and semantics of lexical units]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2019, vol. 9, no. 4, p. 747–755. (in Russ.)

Shiyanova A. A. *Semanticheskaya struktura slov, oboznachayushchih tsvet v zapadnykh dialektakh khantyjskogo yazyka* [Semantic structure of words denoting color in the Western dialects of the Khanty language]. In: *Finno-ugorskij mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy. Sbornik statej po materialam VI Vserossijskoj nauchnoj konferentsii finno-ugrovedov*, 2019, p. 166–170. (in Russ.)

Shiyanova A. A. Semanticheskaya struktura slov, oboznachayushchikh belyj tsvet v khantyjskom yazyke [Semantic structure of words denoting a white color in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2018, vol. 8, no. 4, p. 683–693. (in Russ.)

Sidorova M. A. Semanticheskie polya CHISTYJ / GRYAZNYJ i PROZRA-CHNYJ / MUTNYJ v mokshanskom yazyke [Semantic fields CLEAN / DIRTY and TRANSPARENT / MUDDY in the Moksha language]. In: *Problemy lek-siko-semanticheskoi tipologii. Sbornik nauchnykh trudov*. Ed. by A. A. Kretov. Voronezh, VSU Press, 2016, iss. 3, p. 135–146. (in Russ.)

Sidorova M. A. Semanticheskie polya CHISTYJ / GRYAZNYJ, PROZRA-CHNYJ / MUTNYJ v komi yazyke [Semantic fields CLEAN / DIRTY, TRANSPARENT / MUDDY in the Komi language]. In: *Permistika-16: Dia-lekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami*. Syk-tyvkar, Pitirim Sorokin SSU Press, 2017, p. 278–284. (in Russ.)

Solovar V. N. *Khantyjsko-russkij slovar' (kazymuskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen, FORMAT Publ., 2014, 386 p. (in Russ.)

Spodina V. I. Tsvet i ego mesto v geosimvolike [Colour and its place in geosymbolism]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2013, no. 1 (12), p. 143–156. (in Russ.)

Taligina N. M. Tsvetovaya klassifikatsiya u khantov [Color classification in Khanty]. In: *Obskie ugry. Materialy II Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri"*. Tobolsk, Omsk, OmSPU Press, 1999, p. 197–199. (in Russ.)

Taligina N. M. Tsvetovaya triada khantov Nizhnego Priob'ya [Color triad of Khants from the Lower Ob river]. In: *Narody Severo-Zapadnoj Sibiri*. Tomsk, TSU Press, 1999, iss. 8, p. 92–96. (in Russ.)

Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkij slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow, 1965. (in Russ.)

Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke [Color and color names in Russian]. Ed. by A. P. Vasilevich. Moscow, URSS Publ., 2005, 216 p. (in Russ.)

Volkova A. N., Solovar V. N. *Khantyjsko-russkij tematicheskij slovar'*. (surgutskij dialekt) [Khanty-Russian thematic dictionary. (Surgut dialect)]. St. Petersburg, A. I. Gertsen RSPU Press, 2018, 212 p. (in Russ.)

List of Sources

The World Color Survey. URL: <http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/>.
WALS. URL: <https://wals.info/chapter/133/>.